

*Е. Д. Гончаров, Н. В. Филичева**

ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛИЗМА МАКСА ШТИРНЕРА В ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В статье рассматриваются ценностные установки философии М. Штирнера в его основной работе «Единственный и его собственность», анализируются работы его оппонентов В. Ф. Саводника, М. А. Курчинского и Н. Отверженного, написанные в первой четверти XX в. Представлена критика отдельных идей Штирнера в данных работах наряду с позицией самого Штирнера. Делается предположение, что учение Штирнера оказалось непонятым в революционном российском обществе.

Ключевые слова: философия, Штирнер, культура, этика, индивидуализм.

N. V. Filicheva, E. D. Goncharov

REFLECTION OF MAX STIRNER'S INDIVIDUALISM IN PHILOSOPHY AND RUSSIAN CULTURE OF THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY

The article discusses the value system of M. Stirner's philosophy in his main work «The Ego and Its Own», analyzes the works of his opponents (V. F. Savodnik, M. A. Kurchinsky, N. Otverzhennyi), written in the first quarter of the 20th century. Criticism of individual ideas of Stirner is presented in this works along with the position of Stirner himself. This article makes the assumption that Stirner's teaching turned out to be misunderstood in the revolutionary Russian society.

Keywords: philosophy, Stirner, culture, ethic, individualism.

Философия Макса Штирнера, немецкого теоретика анархо-индивидуализма XIX в. — не самая популярная тема для современных исследований, однако в начале прошлого века она занимала наших соотечественников несколько

* Гончаров Евгений Дмитриевич, преподаватель-исследователь, Университет ИТМО; evgen.rus.tools@mail.ru

Филичева Надежда Викторовна, доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия; nfilicheva@gmail.com

больше. Начало XX в. — безусловно, важное и значимое переходное время для мировой культуры в целом и для нашей страны в частности. Вопросы соотношения частного и общественного, человека и общества, морали и совести будоражили умы простых людей и находили воплощение в произведениях философов, публицистов и литераторов.

В итоге, по всей видимости, можно констатировать, что идеи коллективизма, эгалитаризма и этатизма восторжествовали над индивидуализмом и эгоизмом, апофеозом чему стало создание социалистического государства. Но обходя стороной причины торжества коллективизма, хочется разобраться, каким же образом был воспринят индивидуализм и почему ему не удалось завоевать умы и сердца российских подданных, а впоследствии — советских граждан.

Темой данного исследования мы выбрали отношение к творчеству Макса Штирнера — одного из ярких представителей наиболее радикальной формы индивидуализма. Бесспорно, более известным широкой публике было и остается имя Фридриха Ницше, но при этом мы учитываем, что «работы данных авторов имеют общие черты» [1, с. 48], только учение Штирнера менее изучено, поэтому исследование его работы «Единственный и его собственность» [5] поможет нам более наглядно оценить, насколько «чуждым» и непонятым для отечественной культуры начала XX в. представлялся индивидуализм М. Штирнера. В качестве конкретных примеров мы остановились на анализе трех работ, авторами которых были деятели русской культуры первой четверти XX в. с довольно разным мировоззрением и судьбами.

Первый из исследователей творчества М. Штирнера — Владимир Федорович Саводник, известный российский литератор, филолог, поэт, автор учебников по русской литературе, воспитавший целое поколение деятелей культуры в царской России, позже относительно успешно продолживший свою деятельность в советской России, заведовал отделом русской литературы в Румянцевском, затем в Историческом музеях, принимал активное участие в литературной жизни, в издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого и других работах.

Второй автор, исследователь М. Штирнера — Михаил Анатольевич Курчинский, экономист, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета, до начала 1920-х гг. работавший в Петрограде, но позже переехавший в Эстонию, где в 1921–1939 гг. преподавал в Тартуском университете. За границей, в эмиграции М. А. Курчинский защищал права соотечественников на Женевских совещаниях Лиги Наций.

Третий автор — Николай Гордеевич Булычев, более известный под псевдонимом Н. Отверженный, активный участник анархического движения времен Гражданской войны и 1920-х гг., лектор, видный публицист, закончивший свою жизнь в советском исправительно-трудовом лагере после 1937 г.

Начнем в хронологическом порядке — с Владимира Федоровича Саводника, издавшего еще в дореволюционном журнале свой очерк «Ницшеанец 40-х гг. Макс Штирнер и его философия эгоизма» (1901 г., Москва). В этой работе В. Ф. Саводник достаточно недвусмысленно называет Штирнера «теоретиком, кабинетным мыслителем» [3, с. 780], чьи измышления невозможно или даже

опасно воплощать в реальность. Саводник в своей работе настаивает на том, что «индивид плотно связан с общественным историческим развитием, что понятия права, долга, человечности появляются как результат данного развития и являются нормирующими принципами для конкретного индивида», а «отрешиться вполне от этих типических черт для того, чтобы стать ни от чего независимым «эгоистом», как этого «требует» Штирнер, является психологической невозможностью» (цит. по: [3, с. 780–781]).

Саводник подробно останавливается на самом Я, на котором строится субъективная, в некотором плане скептическая философия Штирнера. Дело в том, что с точки зрения абстрактного скептика, само это Я есть явление крайне неустойчивое, представляет собой совокупность изменчивых состояний и «становится простым отвлечением, идеей, психологической иллюзией» [3, с. 757]. Это действительно очень важный момент, потому как для дальнейшего исследования Я-центричной системы Штирнера необходимо определить это Я. В. Ф. Саводник считает, таким образом, что вечно меняющееся и нестабильное Я является в самом деле «ничем», но именно об этом и говорит Штирнер уже в эпиграфе к своей работе: «Ничто — вот на чем я воздвиг свое дело» [5, с. 7].

Сам Штирнер отталкивается от того, что нет никакой возможности описать себя полностью, ограничить себя какими-то словами — в этом смысле он является предтечей экзистенциализма. Сущности «Я» нет, есть только его существование, и вернейшее свидетельство этого существования — постоянное желание удовлетворения, которое и является по Штирнеру внутренним смыслом человеческой жизни.

По мнению Саводника, Штирнер «стоит на точке зрения солипсизма, т. е. признает, что все вещи и понятия, весь мир существует только во мне и через меня» [3, с. 756], при том, что трудно быть до конца последовательным в отрицании реальности мира. Но не о физическом существовании или несуществовании говорит Штирнер. В первую очередь в этом плане его философия имеет аксиологический характер, а сам солипсизм можно охарактеризовать как этический солипсизм, как крайняя форма субъективного индивидуализма. Штирнеру не так интересно реальное существование или несуществование мира — именно в силу эгоцентричности своей философии. Ему важнее собственное существование, существование субъекта, и уже с этой точки зрения он готов рассматривать внешний мир.

Очень интересными являются также рассуждения Саводника о идеях Штирнера с психологической точки зрения: «...наша власть над идеями далеко не безгранична, и человек отнюдь не может считать себя, как делает Штирнер, полновластным господином и создателем своих представлений» [3, с. 761], — таким образом, Саводник снова сомневается в возможности практической реализации философии Штирнера, подозревая его самого в приверженности идеям «чистого субъективизма», появившихся благодаря учениям Фихте, Гегеля и Фейербаха. Владимир Федорович списывает излишний индивидуалистический и антиидеалистический радикализм Штирнера на реакцию «против панлогической системы Гегеля, системы, в которой отвлеченный рационализм нашел свое совершеннейшее воплощение» [3, с. 753]. Таким образом, во взгляде Саводника на Штирнера мы видим противостояние одних, «коллективных

идей», другим — «индивидуальным». Но все это достаточно условно, так же как и «коллективные» идеи порой имеют некоторую «личную» привлекательность, и «личные» идеи свойственны в своей природе всем людям.

Заключением работы Саводника становится очередная интересная мысль, согласно которой идеи Штирнера и Ницше всегда будут маргинальными на магистральном пути утверждения идеалов добродетели и самопожертвования. Идеи индивидуализма и имморализма, вероятно, действительно кажутся обществу вредными и нежелательными, а человеческому коллективу выгоднее принуждать индивидов к подчинению общим целям.

Михаил Анатольевич Курчинский ведет свое исследование в работе «Апостол эгоизма: Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк» (1920 г., Петроград) с несколько другой стороны, критикуя само понятие эгоизма у Штирнера, пытаюсь показать его непоследовательность и ошибочность. Характерно, что при этом сам Курчинский приводит цитаты Штирнера, в которых тот признает слабость и однобокость нашего «христианского языка». Эта проблема особенно ярко чувствуется в отношении определений, так или иначе связанных с философией, потому как сами явления, ими обозначаемые, чрезвычайно сложны и запутанны.

Именно так получилось с парой эгоизм/альтруизм — кажется, что они кристально ясны и тривиальны, но поскольку они касаются сложных этических вопросов, мотивации человека, его внутренних чувств, они гораздо сложнее. Главная претензия Курчинского к Штирнеру состоит в том, что последний размывает понятие эгоизма настолько широко, что перекрывает им и альтруизм. Курчинский приводит научное, энциклопедическое определение эгоизма, не замечая, что в нем самом остается пространство для дальнейшей концептуализации. Сталкиваясь с этим в дальнейшем, Курчинский предлагает Штирнеру разделить эгоизм на «эгоизм буржуазный» и «эгоизм пролетарский».

На самом деле Штирнер действительно включает в орбиту эгоизма то, что обычно считается альтруистическим, но делает это он потому, что вообще не считает возможным подлинно альтруистическое поведение. Штирнер доводит эти термины до крайности, обнаруживая при этом, что человек в принципе не может делать что-либо не ради себя самого.

Курчинский обвиняет Штирнера в том, что тот использует понятие «эгоизм» более широко, чем это следовало бы делать, а потом сужает штирнерское определение самоудовлетворения до вульгарного гедонизма, тем самым несколько утрируя позицию Штирнера. Но особенность аксиологии Штирнера состоит в том, что под наслаждением собственной жизнью он видит не только упование чувственными удовольствиями, а всю жизнь в полной ее глубине — не исключая и высоких духовных переживаний, которым не стоит давать полной свободы, чтобы не лишиться всех остальных.

Будучи признанным специалистом в экономике и политике, Курчинский показывает нам, что «особым радикализмом экономические взгляды нашего автора не отличаются» [2, с. 176]. Можно ли назвать радикальным анархизмом общество, в котором не отвергаются деньги, наемный труд и частная собственность? С одной стороны, Штирнер прямо утверждает, что он выступает против государства в принципе, а не против какого-то конкретного его воплощения

и формы. Но с другой стороны, он сам понимает, что людям не свойственна жизнь в изоляции, а некоторый аппарат государственного принуждения может давать им дополнительную свободу, забирая в качестве платы за это некоторую ее часть.

Таким образом, Штирнер подходит к идее «союза эгоистов», суть которого не так уж сильно отличается от обычного государства. Самая большая разница между ними лишь в отношении к нему его членов: в концепции государства — граждане трудятся на благо государства, а в концепции союза — союз служит на благо граждан. Выходит, что для воплощения политических идей Штирнера не нужно даже разрушать государства, но достаточно изменить отношения к ним их собственных граждан. Это сильно отдаляет Штирнера от анархического лагеря. При этом в явном виде Штирнер не делает таких объяснений, потому как более откровенная проработка данных идей, возможно, снижала бы радикальность, которой он, безусловно, дорожил хотя бы из чисто моральных взглядов.

Курчинский обвиняет Штирнера в том, что отрицая реальность идей, он нивелирует их значение, а меж тем это значение для жизни общества и отдельных его частей огромно. Но Штирнер не утверждает, что идеи не имеют власти над реальным миром. Именно потому, что мир одержим этим самым духом, Штирнер и привлекает к нему такое внимание. Штирнеру, вероятно, как раз «не хватало эгоизма» дойти до конца в своей логике, уяснив, что дух — прекрасное средство манипуляции людьми, начать использовать его для своих целей, вместо того чтобы открывать нам глаза на его опасную природу.

Курчинский приходит к мысли, что Штирнер «с полным правом может быть выдвинут в качестве философа анархизма» [2, с. 217]. Штирнер своим учением о единичном человеке закладывает этико-аксиологическую базу, которая наиболее последовательно подходит под анархическую концепцию, но при этом к самому анархизму прибавляет немного. Штирнер разрабатывает в первую очередь теорию крайнего эгоизма, которой, для более полного ее завершения, необходимо охватить и политическую, и экономическую сферы человеческой жизни — именно тут он становится «анархистом». Другие же анархисты исходят в своем учении от обратного, т. е. берут за основу в первую очередь стремление создать справедливое и равное общество.

Работа Н. Отверженного «Штирнер и Достоевский» [4] отличается от двух предыдущих исследований, поскольку затрагивает еще и художественную литературу: связывая Штирнера с Достоевским, она весьма убедительно говорит о влиянии немецкого философа на классика русской литературы. В контексте нашей работы интересно, что, доказав знакомство Ф. М. Достоевского с М. Штирнером, Отверженный переходит к последовательному сопоставлению героев Достоевского с учением Штирнера. Отдельные реплики в устах Раскольникова сквозят элитизмом, что, по признанию Отверженного, сближает его скорее со Сверхчеловеком, чем с Единственным.

В целом Н. Отверженный не совсем отделяет образ Единственного Штирнера от Сверхчеловека Ф. Ницше, и вышеназванный пример с элитизмом — не единственное проявление этого. Например, Отверженный приравнивает стремление к «власти над всем муравейником» [4, с. 46] Раскольникова и стремление к власти над своей свободой Единственного Штирнера.

На самом же деле, в отличие от Ницше, в философии Штирнера нет максимы по увеличению власти — очевидной целью для Единственного является только собственное удовлетворение, а власть в этом контексте можно было бы рассматривать только как средство выражения своеобразия. Когда Штирнер говорит, что «моя свобода становится только тогда совершенной, когда она обращается во власть» [5, с. 157], имеется ввиду то, что дарованная свобода не является свободой в полном смысле этого слова, т. к. ее податель, будучи во власти даровать ее, точно так же может и забрать ее обратно.

Свобода, над которой Единственный обладает властью, свобода, которую он в состоянии взять сам, которая исходит из самого Единственного и его способностей, — гораздо более полная. Конечно, отдельные слова Штирнера, вырванные из контекста, действительно могут звучать в духе «Воли к власти» Ницше, но даже в них видна связь с удовольствием, ради которого эта власть только и может достигаться, и неудовольствие, принуждение, которое может постигнуть Единственного в случае, если его власть над миром окажется слабее, чем власть мира над ним.

Отверженный несколько поспешно обвиняет Штирнера том, что его Единственный «в атеистическом отрицании отвергает бога и себя называет «бого-человеком»» [4, с. 52]. Воодушевленно провозгласить рождение богочеловека или сверхчеловека — это скорее в духе Фейербаха и Ницше, но Штирнер же наоборот предостерегает нас от этого. Впрочем, это не отменяет того факта, что и он, и герой романа Федора Михайловича Достоевского действовали из крайне индивидуалистических соображений.

Хотелось бы отметить, что в качестве примера проявления индивидуализма Отверженный приводит действия героев Достоевского, в которых сквозит некоторый пафос иррационализма. То, что для утверждения своей индивидуальной воли конкретному герою необходимо покончить собой, конечно, является яркой иллюстрацией, хотя не обязательно последовательной.

Впрочем, не стоит понимать и так, что Отверженный совершенно неправ в вопросе влияния Штирнера на литературу Достоевского — близость героев, действительно, есть. Но не стоит это влияние и абсолютизировать: все же раскрытие индивидуалистических идей Достоевским сильно опосредованно влиянием на него Ницше.

Несмотря на изложенные несоответствия некоторых из сходств между идеями Штирнера и героев романов Достоевского, с самим выводом Отверженного можно согласиться: герои Достоевского являются в некотором роде экспериментом по моделированию Единственного Макса Штирнера, т. е. облечению во плоть радикального индивидуалиста. Вероятно, как раз из-за невозможности прецизионного построения такой модели результат литературного эксперимента получился таким, как его видел автор, но в любом случае, опираясь на него, можно лучше изучить сам антропологический концепт Штирнера, понять его сильные и слабые стороны и, возможно, даже как-либо модифицировать.

В работе Н. Отверженного мы видим наиболее искреннее желание разобраться в концепте «Единственного» — возможно, потому, что сам автор не был принципиальным противником философии Штирнера, однако даже здесь

присутствуют признаки некоторого недопонимания и относительно вольного толкования учения Штирнера, что еще более подпитывает неприятие Штирнера в культуре как начала XX в., так и в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Е. Д. «Единственный» М. Штирнера и «Сверхчеловек» Ф. Ницше: сходства и различия // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2015. — Т. 2, № 2. — С. 47–53.
2. Курчинский М. А. Апостол эгоизма: Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк. — М.: ЛКИ, 2007. — 264 с.
3. Саводник В. Ф. Ницшеанец сороковых годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма // Вопросы философии и психологии. — М., 1901. — № 4 (59). — С. 560–614.
4. Отверженный Н. Штирнер и Достоевский. — М.: Голос труда, 1925. — 79 с.
5. Штирнер М. Единственный и его собственность / пер. с нем. Б. В. Гиммельфарба, М. Л. Гохшиллера. — СПб.: Азбука, 2001. — 448 с.